

Три косточки тамаринда

Автор:

[Елена Вернер](#)

Три косточки тамаринда

Елена Вернер

Верю, надеюсь, люблю

На берегу теплого моря мужчина делает девушке предложение. Она влюблена, но отвечать согласием не спешит – ведь оба знают, что смертельная болезнь скоро удалит ее из списка живущих. Однако Павел настойчив. Что заставляет его не принимать в расчет грядущие проблемы? Всего день он дал на размышления своей Марине. И тогда она решает получить совет у тайской гадалки...

Елена Вернер

Три косточки тамаринда

– С чего начинается человек?

– С плача по умершему.

(Мераб Мамардашвили)

Даже за день до смерти не поздно начать жизнь с начала.

(Алексей Арбузов. «Мой бедный Марат»)

© Вернер Е., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

Бывают реки, что ровно текут от своего истока к устью и в положенном месте впадают в море. Но бывают и другие. Те, чувствуя морскую близость, ветвятся, будто упрямятся или медлят, и при этом влекутся к нему еще полнее, образуя сеть простертых рук. Тогда-то у реки и появляется дельта.

Часть первая

Ее не раз предупреждали, что рип – это серьезно. Когда она впервые услышала это слово, то не поняла его значения. Аббревиатуру RIP она знала лишь в одном ключе: «Rest in peace», что означает «Покойся с миром», и какое отношение эти скорбные слова имеют к одному из лучших пляжей мира, взять в толк никак не могла. Пока Денис, их гид, худой, гладко выбритый и совершенно свежий в этой невыносимой жаре (Марина видела – подмышки его форменной рубашки-поло сухие, или, может, это местный хваленый кристаллический дезодорант так справляется?), не пояснил:

– Рипом называют отбойное течение. Оно образуется из-за особенностей пляжа и нередко захватывает купающихся. Так что, пожалуйста, не заплывайте далеко от берега и не купайтесь ночью. Если поднимается волнение на море, лучше отправиться на соседний пляж, благо в транспорте тут нехватки не наблюдается. А теперь, друзья, давайте я расскажу вам о...

Уже потом, после экскурсии, Марина обратила внимание на щиты, установленные у каждого входа на пляж. На них изображалась крупная схема

течения, уходящего прочь от берега и несущего с собой в открытое море пловца. Это было предупреждение – и все равно беда случалась здесь уже не единожды.

Отбойное течение. Во время отлива песчаная коса, скрытая под водой, мешает быстрому отходу воды от берега, и в месте, где невидимый лиман соединяется с остальным морем, образуется протока с очень большим водяным давлением. Вода затягивается морем, и вместе с нею там могут оказаться незадачливые купальщики. Не имеет значения, насколько хорош пловец – он может быть олимпийским чемпионом, плещущимся на мелководье ребенком или кумушкой, прыгающей по плечи в воде и обсуждающей с подругой личную жизнь соседки, – течение справится с любым. И неправда, что в море тонут только пьяные, – в море тонут обессиленные, а сопротивляться ему бессмысленно, человек всегда проиграет стихии. Выберется из течения лишь тот, кто знает выход: плыть не к берегу, а в сторону. Чем больше стараться противостоять рипу, тем вернее можно выбиться из сил и поддаться панике, а паника – это вообще последнее дело. Если же плыть параллельно берегу, то через несколько метров течение отпустит, и только так можно выбраться из его упрямого потока... Это справедливо для тех, кто действительно хочет выплыть из рипа. Доплыть до берега, рухнуть на полотенце, рассказать ничего не подозревавшим спутникам, что только благодаря собственным знаниям ему удалось избежать гибели, а потом вечером поднимать стаканы за второе рождение. По истечении отпуска вернуться домой, в какую-нибудь холодную страну (ведь любая из стран по сравнению с этой – холодная), и зажить как прежде, лишь изредка припоминая, что, кажется, однажды был на волосок от смерти, но – пронесло.

Марина хотела попасть в рип и не выплыть.

Собственно, чего греха таить, не выплыла она уже давно. Просто выяснилось это только три недели назад. Так бывает, вроде ходит человек под Богом, жив-здоров, доволен собой и не знает, что про него уже всё решили...

Стоя у кромки отступившей воды, она постаралась было по привычке отмахнуться от этих навязчивых сожалений, как пыталась отмахнуться все последние дни, но вдруг почувствовала себя измотанной до предела. Все, это конец. Ничего дальше уже не будет. Сегодня последний день ее жизни. Эту мысль она попробовала на все лады, покрутила, повертела, ощутила горлом и кожей. Как будто в детстве, когда языком трогала прореху от выпавшего молочного зуба: неприятно, чуть больно, но удержаться нет никакой

возможности. Она устала бороться, держаться, крепиться и не видела в этом ровно никакого смысла. Лучше закончить все прямо сейчас, чем ждать, когда... Все, хватит.

На твердой, влажной еще полосе песка осталось лежать ее махровое полотенце, рядом были аккуратно сложены шорты и майка с фиолетовыми пальмами, а плетенная из белой соломки шляпа придавлена полупустой бутылкой воды, чтобы ветер не утащил. Рядом сновали люди. Как же много людей – больших, маленьких, черных, белых, красных от ожогов, худых как жерди, пухлых... Два темнокожих француза перебрасывали друг другу мяч и гортанно переговаривались; молодой отец нес прочь от воды голопопного сына, тот отчаянно ревел и размазывал сопли по лицу. Китайка в черной шляпе с огромными полями пыталась сфотографировать саму себя, держа фотоаппарат на специальной палке... Как же она называется? А впрочем, уже неважно.

Марина зашла в воду. Песок под ступнями немного оползал. Сильная волна чуть не сбила с ног, и Марина решила, что плыть лучше, чем идти, даже несмотря на то, что во время отлива глубина тут на многие метры всего по пояс. Она погрузилась в воду, стараясь не признаваться самой себе, что это приятно – вот так ощущать разгоряченной кожей теплую воду Андаманского моря, разгребать ее руками, отталкиваться ногами от упругой толщи. Солнце затянуло пепельной дымкой, и поблескивающая гладь моря стала металлической. Марина плыла среди расплавленного свинца. Все дальше и дальше.

Она искала рип. Ей бы хотелось быть подхваченной течением и отдаться на его волю, перестать решать. Ей так надоело решать! Пусть хоть раз ее захватит стихия, возьмет в плен и поступит так, как и полагается поступать стихии: разрушительно и жестоко. Перестав грести, она взглянула влево и вправо, на края вытянувшейся полумесяцем бухты. Нет, не было никакого непреодолимого движения, никакой тяги. Ну вот. Она даже утонуть толком не может... Марина принялась грести дальше. Черт с ним, с рипом. Если плыть от берега достаточно долго, пока не оставят силы, то потом выхода уже не будет... Может быть, ядовитая медуза или акула, в крайнем случае судороги. Ведь Вампилов, кажется, так умер? Впрочем, там был Байкал, а на Байкале холодно... Единственный, кто может помешать, – спасатели, но их за все две недели пребывания Марина не видела ни разу. Только катера, которые катают отдыхающих на парашютах и «бананах», да арендованные гидроциклы, один из которых чуть было не пронесся сейчас прямо у нее по голове. Мужчина гаркнул что-то, но слов Марина не разобрала.

А это даже поэтично. Течение, название которого велит покоиться с миром. Волны должны подхватить, унести, укрыть зеленоватым одеялом тропического моря, упокоить. Навсегда. Навсегда. Чтобы больше ни волнений, ни сожалений, ни утомительного в своей справедливости безысходного вопроса «почему это со мной»...

Вскоре Марина запыхалась. Она хотела остановиться и немного отдохнуть, лежа на спине, как делала всегда. Но сегодня не тот случай. Сегодня надо не перевести дух, а устать, устать до изнеможения, до полного неподчинения тела разуму.

Приближался катер. За ним на длинном тросе высоко-высоко над бухтой парил красный парашют с нарисованными на внутреннем куполе глазами и улыбочкой. Люди под парашютом превратились в две закорючки. Марина в который раз отметила про себя поразительную разношерстность земного мира. Она вот решила покончить с собой, потому что загнанных лошадей пристреливают, а кто-то прямо над ней летит на развеселом парашюте, и жизнь его в этот момент как никогда пикантна и наполнена ощущением пронзительно острого «здесь и сейчас». Все это до того абсурдно... Но идущий полным ходом катер вызывал ее беспокойство. Как бы паренек, сидящий на носу, не заметил ее. Она не знала, что хуже – попасть под винт катера или быть спасенной и выуженной из воды его командой. Не желая решать даже этого, она просто поглубже нырнула. Мир искаженных таинственных звуков, где главный, все более усиливающийся – двигателя катера. Глаза здесь открыть невозможно, уж очень соленая вода. Марина плыла наугад, погружаясь все сильнее. Грохот достиг своего пика и пошел на спад, удалялся, катер явно промчался мимо. На уши давило, воздух в легких заканчивался. Надо же, какое нестерпимое желание вдохнуть. Можно помедлить еще секундочку, и еще, и вот посчитать до раз, два, три, четыре... Ее тело вопреки приказам изменило траекторию движения. Как человек, запутавшийся в паутине, стремится поскорее отряхнуть ее, отвести от лица и плеч, так и Марина заработала руками, отгребая воду от себя. В груди жгло огнем. Плотная толща воды покорно вытолкнула ее наверх, и Марина с хрипом втянула в себя воздух. Во рту горчило от морской соли, глаза слезились, сердце больно застревало в самом горле.

Она все-таки откинулась на спину.

За время ее заплыва небо успело зардеться. Дымка вокруг закатного солнца рассеялась. Теперь, когда в мыслях была гремящая пустота, Марина могла бы до

скончания веков лежать вот так на спине, отдавшись на волю волн, и смотреть в розовый пепел опрокинутого неба. На какое-то время она отключилась, или ей это показалось. Полностью придя в себя, Марина подняла голову. Ее не существовало. В мышцах и затылке тяжело переливался тот же свинец, что был повсюду. Но что-то все же было не так. Марина пригляделась. Да. Движение. Неторопливое, но неуклонное движение от берега в море. Она нашла рип – или рип нашел ее. Покоиться с миром? Марина сделала несколько пробных гребков. Она не знала, что собирается делать, ею руководила растерянность, а она плохой советчик.

Нет-нет, напомнила Марина себе. Все кончено, все решено, ее смешные попытки остаться в мире живых лучше пресечь на корню. Марина откинулась на спину. Усталое оцепенение исчезло, на смену ему пришли тревога, беспокойство, так что живот свело, скрутило, и Марина на секунду скорчилась.

Ее относил все дальше. Берег затягивало влажным туманом. Еще несколько минут, и на набережной начнут вспыхивать огоньки. Марина почувствовала студенистую дрожь. Ей захотелось избавиться от этой воды вокруг нее, захотелось почувствовать под ногами твердую землю, идти, ощущая свое тело, твердость асфальта, сыпучесть песка, а не эту упругую гладкость соленой невесомости. Ей захотелось вернуться туда, в мир живых, где пахнет едой с макашниц[1 - Макашницы – передвижные уличные тележки-жаровни, на которых в Юго-Восточной Азии готовят разнообразную еду и тут же продают. (Здесь и далее примеч. авт.)], которые вот-вот уже приедут на главные улочки, где загорелая дородная аргентинка обмахивается расписным веером, а китайка придерживает шляпу с огромными полями. И может быть, в кафе с клубнично-розовыми стенами Марина украдкой еще взглянет на того скандинавского мужчину, что всегда сидит за крайним столиком... Здесь ли он еще, не уехал ли куда?.. Ей захотелось прожить сегодняшней вечер. Только сегодняшней.

Она резко заработала руками, стараясь превозмочь усталость. Плечи отяжелели, руки слушались с трудом. Несколько рывков на пределе сил – и Марина поняла, что никуда не движется. Ей не совладать с течением. Она почувствовала, что задыхается, накатил душный бестолковый страх. Господи, что же делать?.. Только не сейчас. Ей казалось, что ноги тянут ее на дно, и она впервые задумалась: а сколько же тут до дна? Десять метров? Больше? Она и понятия не имела, даже приблизительно, но поняла, что вся эта огромная масса воды тащит ее на своем теле, как кит прицепившегося к спине моллюска. Что делать? Что делать? Вдоль берега. Что – вдоль берега?

Плыть вдоль берега, вспомнила она наконец. Выбраться из рипа можно, не сопротивляясь ему, а направляясь параллельно берегу и перпендикулярно направлению течения. С трудом понимая смысл, Марина все же поплыла. Она гребла руками и ногами, суставы ныли, почти скрипели, будто она стала ржавой шарнирной куклой, ребра резали легкие. Она закашлялась и нахлебалась воды, безрассудно замолотила ладонями по воде, нырнула, всплыла, хватая ртом воздух. Марина боялась взглянуть на берег. Если он еще дальше... Тогда ей уже не выбраться.

Ее отнесло на камни, и, вылезая, Марина изранила ногу и сильно ушибла бок. Пальцы, не подчиняясь больше ничему, кроме инстинкта, так сильно схватились за каменную поверхность, покрытую слизью и коричневым водорослевым налетом, что несколько ногтей ободрались до мяса. Потекла кровь, защипало, и это немного отрезвило Марину. Она распласталась по бурому камню, чувствуя его горячую скользкую твердость щекой, ладонями, грудью, животом. Горячий. Устойчивый. Он не качается на волнах. Какая радость.

Однако у нее не было сил радоваться. У нее вообще не осталось сил. Марина хотела приподняться на локте и оглядеться, но вместо этого закрыла глаза. Через мгновение она уже спала.

Проснувшись в темноте, Марина испугалась и подскочила, тут же поскользнулась и чуть не улетела вниз тормашками в воду. Схватившись рукой за камень, она почувствовала резкую боль в пальцах, и в голове окончательно прояснилось. Она вспомнила и свой заплыв, и неудавшееся утопление, и рип, и сорванные ногти. Оставалось только догадываться, насколько плачевно она выглядит и как долго провела в отключке: на здешних широтах ночь обрушивается стремительно и сразу после заката все заволакивает тьмой. Это так не похоже на долгие летние вечера средней полосы, когда сиреневые сумерки стоят по нескольку часов, постепенно густея, как черничный кисель.

С грехом пополам Марина доковыляла до песчаного берега, то прыгая по огромным валунам, очертания и размеры которых только предполагала, то забираясь на них почти ползком. На песке она немного передохнула, потом зашла по щиколотки в воду и стала тереть себя ладонями. Наверняка все ее тело покрыто пятнами слизи, которая выросла на валуны, полдня стоящие под водой во время прилива. Соль прожигала пораненную кожу, и Марина, ощутив разом, в скольких местах ей больно, пришла к выводу, что ее изрядно

потрепало. И все же... Все же от этой боли ее охватило удовольствие. Она впервые за долгое время почувствовала хоть что-то, с этими вот саднящими коленями и кончиками пальцев, в которых жгуче пульсировал огонь.

Она медленно прошлась по опустевшему пляжу, лишь изредка встречая людей. Без света фонарей их лиц было не разобрать, одно только присутствие и бесплотность теней. Она так и не смогла найти свои вещи, в такой темноте ничего не стоит пройти в двух шагах и не заметить. А может, за это время для них нашелся другой хозяин.

Марина лихорадочно соображала. Идти по городу в одном купальнике неприлично. Кажется, у дорогого отеля, что стоит у левой оконечности пляжа, несколько бунгало выходят прямо к берегу. Что, если попросить у тамошних постояльцев помощи? Она быстро зашагала по песку. Под ее пятками он похрустывал, словно только что выпавший снег. Знаменитый поющий песок. Марина пнула его посильнее и услышала знакомое «пиуу», похожее на негромкое повизгивание или звон задетой струны. Она засмеялась, чувствуя себя немного пьяной.

Окна ближнего бунгало были темны. Пройдя через калитку, Марина уже хотела разыскивать главный корпус отеля, но тут заприметила рядом с мощеной дорожкой натянутую между пальмами веревку, на которой сушилась пара полотенец и чья-то пляжная туника. Недолго думая, Марина продралась через цветущую бугенвиллею, перегнулась через низенький заборчик и стянула тунику с веревки. Судя по всему, обитатели бунгало не скоро обнаружат пропажу, и, возможно, Марина даже успеет вернуть ее на место. Ей бы только добраться до дома.

Пляжная туника принадлежала Кристине Миттельбаум из Люнебурга, но на бельевой веревке во дворике бунгало оказалась совершенно случайно. Ведь ее хозяйка, сорокалетняя разведенная юристка, приехавшая на курорт с сыном-подростком, занимала номер в отеле «Сентара», а вовсе не здесь. Однако днем раньше, перебрасываясь фрисби со своим сыном, она случайно налетела на проходящую мимо пару. Помогая фрау подняться, рассыпаясь в извинениях с одной стороны и в любезностях – с другой, все четверо разговорились.

Все они владели немецким, что облегчило общение и даже вызвало глубинное взаимопонимание, возникающее лишь между согражданами вдалеке от дома. Сербы Златовичи – стоматолог Милош и его жена Сенка – познакомились в Берлине, где кареглазая фигуристая Сенка слушала лекции по биологии в Гумбольтовском университете, а Милош пломбировал кариес и лечил каналы в небольшой чистенькой клинике в Трептове. Он, сын эмигрантов, вырос в Германии, тогда как Сенка, дочь высокопоставленного сербского чиновника, только-только в то время начинала обживаться на новом месте. На свадьбе в Белграде гости твердили наперебой, что более красивых и влюбленных молодоженов еще не видали, а два прежних воздыхателя Сенки подрались на заднем дворе ресторана, не имея возможности «начистить рыло» счастливицу Милошу.

Обо всем этом супруги поведали фрау Миттельбаум и ее сыну Курту за ужином, поглощая бургеры и жареную картошку, по которым и те, и другие уже успели соскучиться за недолгим отпуском. О чем они умолчали, так это о кипучей ревности Сенки.

Кроме балканского темперамента она располагала и другими, вполне реальными причинами ревновать: Милош был на редкость хорош собой. Большую часть его постоянных пациентов составляли женщины. Это они, лежа в стоматологическом кресле, затаив дыхание следили за его ласковыми глазами над медицинской повязкой.

– Какие у вас длинные ресницы, доктор.

– Это не так удобно, как вам кажется. Цепляются за стекла очков, – ответ был уже заготовлен. Но отбоя от воздыхательниц все равно не было. Пара особо настойчивых раздобыли его телефон и названивали домой, чем доводили Сенку до истерик. Милош мог сколько угодно отпираться и взывать к здравому смыслу жены, однако святым он отнюдь не был, и пару раз, пока Сенка гостила у родителей, умудрился оказаться в постели с собственной ассистенткой. В тот раз все сошло ему с рук, ассистентка вскоре перешла в другую клинику, а Сенка так ни о чем и не узнала.

Кристине Миттельбаум он приглянулся сразу же. Эти медлительные сливовые глаза, волнующая дорожка волос, спускающаяся от пупка вниз, под резинку синих купальных шорт, гортанный смех и легкий бархатистый обертон, слишком незначительный, чтобы быть акцентом, но все же заметный уху коренной немки.

Все настраивало ее на опасный лад. Виновато было и море, и солнце, и коктейли, после которых все приобретало игриво-радужный окрас, и сам Милош. Он не дал понять, что категорически против продолжения. Когда пару раз Кристина и Милош встретились глазами, отпивая из бокалов терпкую жидкость, каждый из них со сладким удовольствием прочитал во взгляде другого согласие и почти преступный сговор.

Бдительность Сенки была усыплена, вероятно, наличием у фрау Миттельбаум сына Курта, которого, кстати, вот уже второй день занимала сама Сенка. В свои пятнадцать он впервые получил возможность так долго, близко и безнаказанно разглядывать женское тело, в купальнике или в легком платье, смуглое, с высокой грудью и дерзко торчащими под мокрой синтетикой купального костюма сосками, крепкими округлыми коленками и подтянутыми ягодицами. К вечеру этого дня он мог уже с закрытыми глазами описать по памяти всю Сенку, и переплетение ее кос, и родимое пятнышко у правой ключицы, и темный пушок над верхней губой, где иногда выступали крохотные микроскопические капельки, от чего у Курта голова шла кругом.

На закате Златовичи и Миттельбаумы перекусили в кафе через дорогу от пляжа и распрощались. Милош проводил Сенку до четырехэтажного сияющего спасалона у дорожного кольца, Кристина с Куртом отправились в отель. Но в дверях номера фрау Миттельбаум сообщила сыну, что надумала отправиться на массаж:

– Я максимум на полчаса.

Через семь минут Милош прижимал Кристину к прохладной стене бунгало, стремясь едва ли не съесть заживо. Еще через минуту они ввалились в темную комнату. Света так и не зажгли.

После первой ожесточенной схватки Кристина, впервые за долгое время чувствуя приятную ломоту во всем теле, зашла в ванную. Там, при свете, она заметила, что тунику, в которой она пришла и снять которую так и не успела, теперь нужно застирать.

Прополоскав тонкую ткань, она голышом проследовала мимо лежащего на кровати Милоша и во дворе перекинула ее через веревку.

– У нас есть еще несколько минут. Как раз моя туника подсохнет...

– О, Кристина... Неужели ты намекаешь... – промурлыкал Милош, увлекая ее обратно на простыни. Она ответила приглушенным бесстыдным смехом.

Но когда через несколько минут пришла пора приводить себя в порядок, туники на прежнем месте не оказалось.

– Да не могли же ее украсть! – кипятилась фрау Миттельбаум вполголоса. – Кому нужна одежда, тут же жарко!

– Может быть, ветром сдуло? – Милош начинал нервничать: Сенка должна была воротиться вот-вот, а ведь еще поправлять постель и душ принимать. У жены нос, как у хорошо натасканной ищейки.

– Какой еще ветер? Нет никакого ветра!

– И тем не менее! – Мужчина потерял выдержку. Теперь, когда желание было сполна удовлетворено, это белесая и довольно невзрачная женщина стала вызывать у него раздражение. Он выудил из стопки полотенце одно, самое большое, и кинул его Кристине:

– На вот, обернись.

Поймав полотенце на лету, фрау Миттельбаум замерла. Смысл сказанного дошел не сразу.

– Что? Ты предлагаешь мне идти по городу? В этом?! – прошипела она. – Совсем рехнулся?!

– Тут всего две улицы! А что еще? У тебя есть другие идеи? Сенка сейчас вернется.

– Да плевать мне на твою Сенку! Меня тут обокрали!

Они бы еще долго препирались, если бы Милош не услышал пиликатье телефона жены метрах в тридцати от бунгало. Он сотню раз просил ее сделать мелодию потише и теперь возблагодарил небеса за ее упрямство. Сенка уже шла по

дорожке, когда ответила на звонок, и до Милоша с Кристиной донесся ее веселый голос. Судя по всему, она решила поговорить на улице, дав любовникам спасительную фору. Не медля ни секунды, Милош вытолкнул Кристину Миттельбаум во дворик, а сам закрыл стеклянную дверь и принялся наводить спешный порядок. Он как раз успел застелить постель и побрызгать в ванной и в комнате освежителем для воздуха, когда Сенка отперла входную дверь.

- Это я. Мама звонила, передавала тебе привет.

- Да? - отозвался Милош как ни в чем не бывало. - Как у них дела?

- Все хорошо. Горан выиграл свой конкурс, представляешь?

- Ну и ну! Это здорово. Я в душ, не возражаешь? Что-то душно.

- Конечно, душно, глупенький. И без кондиционера, и дверь во двор закрыл зачем-то. Воров боишься?

Когда Сенка распахнула дверь во внутренний дворик, Милош замер. Но напрасно.

В это время Кристина Миттельбаум, хозяйка исчезнувшей туники, уже гордо шествовала по пешеходной «зебре», единственной в этой части города, обернутая в белое банное полотенце. Ничего хорошего про мужчин в общем и уроженцев Балканского полуострова в частности она сейчас сказать не смогла бы при всем желании.

На освещенной набережной было довольно много народу, из проносившихся мимо тук-туков[2 - Тук-тук - вид тайского такси.], больше похожих на бумбоксы с неоновым эквалайзером на колесах, гремела нехитрая музыка, недостаток мелодичности компенсируя оглушительной громкостью. Марина смотрела на все с жадностью и узнаванием, будто долго отсутствовала и вот наконец вернулась. Все ее изумляло: и спящая у водостока собака, и высокие каблуки работницы спа-салона на углу, и традиционный домик для духов, стоящий возле входа в отель «Golden Sand», как раз между двумя каменными драконами с потемневшими от времени лапами. Этим вечером все здесь было очень резким и ярким, но при этом каким-то ирреальным, будто в запредельно красочном сне или галлюцинации. Вывески искрились разноцветными огоньками, у лотка

сувениров пахло мылом, на открытой витрине рыбного ресторана таял серый лед, на котором влажно поблескивали рыбы бока и плавники, тусклые глаза, фиолетовые щупальца, изумрудные раковины мидий и бледные клешни огромных голубых крабов. Глазами Марина различала крошечные подробности окружающей ее действительности, ушами улавливала звуки разных частот и громкостей и все равно не могла отделаться от ощущения, что все происходит во сне. У нее мелькнула шальная мысль: а что, если она умерла, захлебнулась там, в море, и этот мир тайской оживленной улочки – лишь мираж, бред ее угасающего от гипоксии мозга? Всерьез размышляя об этом, она свернула в темный проулок, поднялась по внешней каменной лестнице на второй этаж и остановилась возле своей двери. Только тут она поняла, что у нее нет ключа. Конечно, он остался в кармане шорт, аккуратно сложенных пополам... там, на пляже, пару часов назад.

Растерянно потоптавшись на балкончике, она спустилась вниз, во внутренний дворик, и отправилась на поиски госпожи Рунг.

Двери прачечной были настежь открыты, но самой хозяйки там не оказалось, только ее дочь Санни мурлыкала под нос песенку, наглаживая очередной пододеяльник. Как и всегда при виде Марины, на лице у Санни образовалась улыбка до ушей. Вкупе с бело-желтыми пятнами танаки[З - Танака – косметическая паста растительного происхождения, которую используют бирманцы как охлаждающее, солнцезащитное, успокаивающее и лечебное средство.], намазанной на лоб, нос и щеки, она выглядела как самый жизнерадостный в мире мим. Девушка отставила утюг, сложила ладошки в «вай» и склонила голову, нежно мяукнув приветствие.

– Здравствуй, Санни, а где кхун Рунг?

Девушка выпорхнула из душевой прачечной, Марина вышла следом и тут же увидела спешащую ей навстречу госпожу Рунг. Дородная, коренастая, она проворно передвигалась на ногах, вид которых сразу наводил на мысль о колесе. Хозяйка на ходу вытерла руки полотенцем, сунула его дочери и, ласково улыбаясь, защебетала что-то, ничуть не смущаясь тем, что Марина не понимает по-тайски.

– Кхун Рунг, я потеряла свой ключ. Ключ от комнаты. Простите, пожалуйста. Я упала на камнях и выронила... – удалось пробормотать Марине. Санни, нахмутив лоб, подумала с секунду и, радостно просияв, перевела матери с английского.

Госпожа Рунг всплеснула руками, стала осматривать Марину с ног до головы, спрашивая, не сильно ли она ранена, и уверяя, что ключ – это ничего, не страшно, сейчас она откроет своим.

С госпожой Рунг, а точнее, с ее сыном Чоном Марина познакомилась в первую свою ночь на острове при весьма волнительных обстоятельствах.

Тогда она проснулась в гостиничном номере около трех часов ночи и никак не могла снова уснуть. Из-за долгого перелета и смены часовых поясов в голове образовалась сумятица и мысли путались, не додумываясь до конца. Ступням было жарко, и ей никак не удавалось высунуть ноги из-под одеяла – по привычке тайских отелей оно оказалось заправлено под матрас, образуя конверт. Понимая, что в ближайшее время она уже не уснет, Марина вылезла из постели, натянула сарафан и отправилась гулять. Ночной портье за стойкой встрепенулся и, проводив ее приветливым взглядом до дверей, снова впал в анабиотическое состояние с широко открытыми, но стеклянными от недосыпа глазами.

На улице оказалось пустынно и душно, даже ночь не принесла прохлады. Голубоватым светом мерцал маленький сетевой супермаркет. Мимо промчался тук-тук, уже без музыки, но еще со своей елочной иллюминацией. Марина перешла на другую сторону и побрела мимо вереницы тесно припаркованных у обочины мотоциклов в сторону моря.

Сзади приближался звук работающего двигателя. Скутер. Марина покосилась через плечо. Только сейчас ей пришло в голову, что ночная прогулка по незнакомому городу небезопасна.

Скутер притормозил, поравнявшись с ней. Хмурого вида таец сделал характерный жест, будто втягивает в себя дым:

– Смоук?

Марина покачала головой. Таец сощурился, поддал газу и укатил.

У спуска с набережной она скинула босоножки и с удовольствием прошла босиком до кромки воды. Установился почти штиль, волны лениво набегали и откатывались одна за другой. За холмами только всходила луна. Так поздно, надо же, удивилась Марина. Она сделала еще шаг, споткнулась обо что-то

большое вроде мешка и, пискнув от неожиданности, полетела вперед, едва успевая выставить руки. Чертыхнувшись, побарахталась в мокром песке, стараясь выпутаться из длинного подола сарафана, встала на колени и только потом снова оказалась на ногах. Она уже собиралась нащупать в сумочке телефон, чтобы посветить им и рассмотреть, обо что споткнулась, когда мешок у ее ног сдавленно застонал. Марина не на шутку перепугалась.

– Эй, вы в порядке? Что с вами? Что случилось? – спрашивала она по-английски, дрожащими пальцами отыскивая телефон. Наконец подсветка озарила лицо молодого паренька. Его веки подрагивали. Марина легонько встряхнула его за плечи и, не задумываясь, провела рукой по затылку. Ладонь окрасилась кровью.

Марина в ужасе отшатнулась, ее взгляд метнулся к пешеходной набережной, фонарям – если и искать помощь, то только там.

– Я вернусь. Слышите меня? Лежите здесь. Оставайтесь здесь, я скоро вернусь, – пообещала она. Оставалось надеяться, что паренек понял хоть что-то.

Марина помчалась что есть сил. Номера телефона местной «Скорой» она не знала, полиции тоже. Аптека через дорогу оказалась закрыта, и на всей набережной не было ни души. Автоматические двери «Севен-элевен»[4 - «7-Eleven» – сетевые супермаркеты.] сработали, когда она пробегала мимо, и со звоном раздвинулись. На Марину пахнуло холодом.

– Мне нужна помощь! Помощь! – кинулась она к кассе.

Сонный продавец затряс головой, недовольно хмурясь. Марина обрисовала ситуацию. Но то ли продавец совершенно не знал английского, то ли знания эти действовали исключительно с семи утра до одиннадцати вечера – ей не удалось добиться от него ничего путного. Когда она схватила его за руку и в отчаянии попыталась вытащить наружу, продавец замахал на нее руками и заголосил так, что Марина растерялась и отступила.

Не зная, что еще предпринять (это уже потом, наутро, ей показалось странным, что она не догадалась добежать до ресепшена любого из отелей), Марина вернулась к раненому тайцу. Он уже пришел в себя и силился встать. Поддерживаемому Мариной, ему это удалось.

- Куда вас довести?

- Домой, - пробормотал он и ткнул пальцем в нужном направлении.

Несмотря на худосочность, он оказался довольно тяжелым, хотя и покорно перебирал ногами. Им понадобилось немало времени, чтобы доковылять до перекрестка и свернуть в проулок. При свете фонарей стало видно темное пятно под черными волосами на затылке, испачканную одежду и кровоподтеки на запястьях, будто кто-то изо всех сил удерживал его руки.

Указав нужную дверь, молодой таец сполз прямо на мостовую и снова отключился. Марина кулаком заколотила в дверь, потом подбежала к окнам и стала стучать в каждое из них. Кажется, тут располагалась прачечная.

На стук выглянула заспанная женщина, полная, крепенькая, в длинной застиранной футболке. Она крикливо оборвала Маринин стук и уже собиралась выдать тираду, как вдруг заметила тайца у стены. В мгновение ока она оказалась на улице, зовя кого-то из глубины дома и тормоша раненого. Она спрашивала что-то у Марины, но та только беспомощно твердила, что подобрала его на пляже.

Дальше была поездка в больницу и изнурительное объяснение с полицейским, вызванным госпожой Рунг. Когда он все же точно уяснил, что не Марина стала причиной столь плачевного состояния раненого тайца, полицейский обрадовался как ребенок. У него уже в печенках сидели фаранги[5 - Фарангами в Королевстве Таиланд называют иностранцев.] всех сортов и мастей, которые творили на острове непотребства, вечно влипали в разные дурно пахнущие истории и при этом ни слова не могли выдать на человеческом языке. Цокая и огорченно качая головой, он побеседовал с госпожой Рунг и тут же расплылся в дружелюбной улыбке, снова подходя к Марине.

- Свобода. Вы свобода, - возвестил он и уехал, чрезвычайно довольный тем, как все обернулось. А Марина решила остаться. У приветливой медсестры она выяснила, как чувствует себя молодой человек. Оказалось, что у него сотрясение мозга и трещина в ребре, но завтра его уже выпишут домой.

Чон был в сознании. Когда Марина заглянула в палату, его мать и сестра, сидевшие у кровати, встрепенулись. Санни что-то горячо говорила, госпожа

Рунг, сложив руки, кланялась, почти касаясь ладонями носа. Чон слабо улыбнулся:

– Спасибо. Вы спасли меня. Мама говорит, что будет благодарить духов всю жизнь. Они послали вас.

– Я рада, что с вами все в порядке. Поправляйтесь.

– Спасибо.

Через два дня Санни и госпожа Рунг разыскали Марину в отеле и приволокли огромную корзину фруктов. Терпкий запах переспелого тайского манго затопил номер. Женщина требовала у дочери, чтобы та переводила. Санни отчаянно краснела:

– Вы. Жить в нашем месте. Комната. Комната в аренду. Но вам бесплатно. Комната бесплатно.

– Нет-нет, что вы! – отнекивалась Марина, чрезвычайно тронутая их горячей благодарностью. Даже беглого взгляда на их жилище ей хватило, чтобы понять: живут они небогато. – Я остановилась здесь, в отеле...

– Отель дорого. Комната бесплатно.

Да, с таким утверждением трудно поспорить. В итоге они сошлись на том, что Марина будет платить триста бат в сутки – плата чисто символическая, но согласиться на совсем бесплатное проживание ей не позволяла совесть, а на большую сумму, видимо, не соглашалась совесть госпожи Рунг. На следующее утро Марина расплатилась с отелем и перебралась в комнатку над прачечной.

Несколько дней спустя Марина заметила на заднем дворе Чона. Он сидел на хлипком стуле, поджав под себя ногу, и держал тарелку с едой. Свободной рукой он брал с тарелки немного клейкого риса, ловко скатывал в комочек, окунал в рыбный соус и отправлял в рот. Марина поздоровалась.

– Добрый вечер. – Чон отставил тарелку и вытер пальцы. – У нас не было возможности пообщаться после того случая... Спасибо вам еще раз.

Марина заверила, что его семья и так слишком любезна с нею.

– Нет ничего хуже неблагодарности. И при этом невозможно быть благодарным сверх меры, – улыбнулся Чон.

Марина спросила разрешения и примостилась рядом, прямо на бетонной ступеньке. Железное правило «не сидеть на холодном камне», вдолбленное мамой еще в детстве, не действовало просто в силу того, что холодных камней здесь не встречалось в природе.

Чон отлично говорил по-английски. Это оттого, пояснил он, что с детства обожает американское кино. Голливуд? Нет, почему, не только. Джармуш, братья Коэны, Том ДиЧилло. Не слышала о таких? Да, это кино не для всех. Впрочем, блокбастеры тоже хороши, под настроение. Если смотреть по одному американскому фильму в день, то можно легко выучить их язык, он довольно прост. Русский сложнее.

– Как ты себя чувствуешь?

Чон осторожно потрогал голову:

– Хорошо. Завтра пойду на работу.

– Уже? Разве тебе не надо лежать в постели? Кем ты работаешь?

– Сдаю в аренду зонтики на пляже. Это не тяжелый труд, так что все будет о'кей.

– Не расскажешь, что тогда случилось?

Молодой человек помолчал, потом недовольно цокнул языком. Марина поняла, что вспоминать ему неприятно, и извинилась за бестактность. Она знала, что для тайцев важно сохранять лицо, а что может быть неприятнее для мужчины, чем беспомощность...

– Нет, все в порядке. Тем более ты должна знать, в чем именно мне помогла. Это все проклятый Мики.

– Кто?

– Мики. Он с друзьями часто шныряет по пляжу и набережной. Пару раз его ловили за то, что украл бумажник у туриста. Теперь он хотя бы поумнел, подъезжает на байке и выхватывает сумки прямо на ходу. Я сам видел.

– Какой ужас. А что же полиция?

– У него дядя работает в местном отделении. Так что...

В этот момент из прачечной во дворик вышла девушка. Невысокая, как все тайки, с открытой дружелюбной улыбкой и очень красивая. Форменная бордовая блузка и черные брюки сидели на ней безукоризненно. На груди белел бейджик с именем, но Марина не смогла его разобрать.

При появлении незнакомки Чон поменялся в лице. Он резко подскочил, зацепил рукой тарелку и опрокинул рис на бетонную дорожку. Девушка звонко засмеялась, Чон смутился еще больше. Гостья поклонилась Марине и быстро заговорила с Чоном, мелодично вытягивая гласные. Поскольку Марина в разговоре не участвовала, у нее было время оглядеть девушку.

Во всем ее облике сквозила некая гордость, если не сказать царственность, притом что девушка, очевидно, являлась всего-навсего служащей какого-то отеля. В ней не было ни капли подобострастия или услужливости, частенько входящих в привычку у гостиничного персонала. В посадке головы, в развороте плеч и очень прямой осанке чувствовалось достоинство, глаза привыкли смотреть быстро. Даже густые волосы, собранные заколкой в высокий хвост на затылке, покачивались по-особенному значительно и веско. На губах влажно мерцала только что освеженная красная помада, и на этом макияж заканчивался: этой девушке было незачем подчеркивать красоту, она и так бросалась в глаза.

Сейчас от рассказа Чона она вся пришла в волнение, парень же, наоборот, всем своим видом показывал, что это пустяки. Когда речь, очевидно, зашла о Марининой помощи, девушка с большим чувством поклонилась ей еще раз. Наконец она бросила беглый взгляд на наручные часики и заторопилась. Чон еще пару мгновений замороженно смотрел на дверь прачечной, через которую

удалилась незнакомка.

– Это Лея, – пояснил он Марине, с трудом переводя на нее взгляд. – Пришла узнать, как мои дела. Она только сейчас услышала, что я был в больнице.

Так и выяснилась истинная причина того, что Мики с друзьями избил Чона на пляже. У причины даже было имя. Ее звали Лея, и она работала менеджером в самом дорогом отеле этого пляжа.

Родители Чона и Леи были соседями, так что дети росли вместе. Плескались в лужах во время сезона дождей, раскапывали крабы норы, потом вместе ходили в школу и на каникулах подрабатывали в ресторанчике. А после школы Лея уехала в Бангкок и поступила в университет. Спустя несколько лет она вернулась, похорошевшая (хотя Чон утверждал, что она и в детстве была красавицей), осмелевшая, «выбившаяся в люди». Ее с отличными рекомендациями сразу взяли в «Хилтон», белеющий своими стенами и колоннами за высоким забором, который отделяет его обитателей от простых смертных, – а еще через год повысили. Все это время Чон искал повода наладить прежнюю дружбу, и наконец ему это удалось. Теперь они частенько встречались, когда у Леи был выходной, чтобы посидеть в кафе или умчаться на скутере в город и сходить там в кино.

А потом появился Мики. Вообще-то его звали иначе, но парень обожал Микки-Мауса. Он носил футболки с Микки-Маусом, рюкзаки с Микки-Маусом, бейсболки с ним же, так что прозвище закрепилось за ним намертво. С Леей он познакомился в баре и, несмотря на то что она его отшила, стал активно ухаживать. Когда же Мики увидел девушку с Чоном, участь последнего была решена. Банда Мики учиняла погром на сервисной точке на пляже, где работал Чон, несколько раз сам Мики предупреждал соперника, что от Леи ему стоит держаться подальше, но тот не реагировал на угрозы. От Леи свое противостояние с Мики Чон скрывал, им и так было о чем поговорить в ее редкие выходные. И вот теперь Мики перешел к физическому внушению...

Все эти воспоминания промелькнули в голове Марины за те несколько секунд, пока госпожа Рунг ходила за своим ключом. Теперь хозяйка отперла комнату и, ласково улыбнувшись, удалилась. Марина огляделась, будто оставила свое жилище много месяцев назад. Все казалось ей необычным и одновременно до боли родным – и бамбуковая перегородка, и чашка из кокосовой скорлупки, и чемодан под окном, и горшочек с орхидеей, и трещина в стене возле двери, из

которой временами высовывал вертлявую головку маленький геккон. Она щелкнула выключателем потолочного вентилятора. Тот качнулся, тихо зашелестел и принялся, сперва неохотно, гонять по комнате теплый воздух.

Если уж ее смерть отсрочилась, нечего сидеть дома и тратить время попусту. Марина решительно достала из шкафа любимый сарафан из жемчужно-серой струящейся ткани. Надела, аккуратно завязала бледно-розовый пояс, повертелась перед зеркалом, полюбовалась, как переплетаются лямки на загорелой спине. Быть может, чересчур празднично, но... В конце концов, это ее последняя ночь.

Сейчас она уже предпочитала не ломать голову. Случилось и случилось. Даже не «случилось», а всегда было. Но кто ж знал... А и знал бы – все равно ничего не исправить. Если задаваться вопросами, допытываться до причин, из этого не выйдет ничего путного. Она давно уже бросила бесполезные попытки разобраться, что к чему, как устроен этот мир и на каких законах держится. Хаос – вот, вероятно, все, что можно сказать о мире. Полный беспорядок, круговерть и ворох случайностей. По одной из таких случайностей была зачата родителями и она, Марина Хлынова, а не Вася или, к примеру, Наташа, или и вовсе оба сразу. А по другой – та всклокоченная старая карга у подземного перехода заронила в ней мысль о самоубийстве. Или, скорее, укрепила в намерениях.

Нынче, вспоминая свое детство, Марина без всяких колебаний определяла его как счастливое. Небогатое, но ежедневно наполненное маленькими открытиями и чудесами. И все благодаря маме Оле – так ее звала и сама Марина, и подопечные из младших классов. Когда в читаемой Мариной сказке дело доходило до какой-нибудь феи или доброй волшебницы, у той был непременно мамин облик. Те же апельсиново-рыжие волосы, мягкие короткопалые ручки с золотым ободком кольца на безымянном пальце, пышная белокожая грудь, колышущаяся в вырезе платья при каждом движении, лицо сердечком, зазорные ямочки и голубые глаза, всегда удивленно распахнутые. Несмотря на полноту, мама Оля никогда не рядилась в черное и не казалась грузной, наоборот, любила яркие ткани и мастерски их сочетала, умудряясь не выглядеть смешно или вычурно даже в девяностые, когда все заполонил люрекс и леопард. Эта ее любовь к разноцветью и нетривиальности кроя еще больше делала ее похожей на сказочную жительницу.

Кроме того, у мамы Оли не иссякала фантазия. На прогулке с дочерью они искали следы динозавра, запускали письма в небо, пытались установить контакт с травяными человечками и помирить их с одуванчиковыми, с которыми, как известно совершенно доподлинно, у них давняя вражда. Они собирали гербарий, подкармливали дворовых кошек, мастерили кормушки для синиц, изучали жизнь муравейников и однажды полтора часа кряду спасали осу, утонувшую в банке меда, что стояла открытой на кухонном столе, – передали из деревни. Мама Оля умудрялась сделать необычными самые заурядные вещи. Подобно героине фильма «Девчата», она знала миллион разных блюд из картофеля и могла кормить папу и Марину то картофельными шариками, то драниками, то картофельными ежиками, то клецками, то брусочками, то биточками; только спустя много лет Марина осознала, что подобная кулинарная изощренность подстегивалась крайне стесненным положением семьи. А картошку передавали все те же бабушка и дедушка, сажавшие в деревне два огорода.

Но особенно в те времена Марина любила три блюда: канапе, тюрю и растопырки. Тюря, при ближайшем рассмотрении представлявшая собой белый хлеб, до кашицы размоченный в молоке, поглощалась ею в огромных количествах. Канапе мама Оля делала, когда к Марише приходили друзья: она намазывала куски черного и белого хлеба маслом, резала их на квадратики величиной с ноготь большого пальца и в каждый втыкала диковинную зубочистку из разноцветной пластмассы. Зубочистка называлась «шпажка», и место хранения этих самых шпажек Марина так и не обнаружила, как ни старалась разыскать в мамино отсутствие, чтобы потом взять поиграть во двор. Кажется, когда канапе были съедены (а на вкус они были объеденье), мама собирала шпажки обратно и мыла. А уж растопырки означали самое настоящее пиршество – не такое, как на день рождения или Новый год, но все-таки: растопырки бывали редко. И хотя получались они из самых обыкновенных сосисок, поделенных на три части и надрезанных с каждого конца крест-накрест, чтобы растопыриться потом при варке, вкус у них был несравнимо лучше.

Благодаря маминому легкому характеру родители отлично ладили. По крайней мере Марина не могла припомнить ни одной ссоры. Зато замечательно помнила другое: как папа и мама возились с ней, как дурачились друг с другом. Она любила ходить с мамой встречать папу с работы. На автобусной остановке девочка изнывала от нетерпения и все вытягивала голову – когда же из-за поворота в клубах пыли покажется нужный автобус, грязно-оранжевый, с черной гармошкой посередине. Папа выскакивал, как только открывались двери, подхватывал Марину на руки, сажал на шею и так шел всю дорогу до дома, пока

мама что-то весело рассказывала о прошедшем дне. А по воскресеньям они втроем ездили в лес или на речку, а когда подходил сезон, то и за ягодами, с ночевкой в палатке.

В то время как все дети любили праздновать Новый год, Мариша обожала Пасху. Религиозностью семья не отличалась, но в субботу накануне мама Оля непременно звала дочку со двора, и они вместе, повязав фартуки, изобретали новые способы покраски яиц. Часть обматывалась кружевом, туго обтягивалась сверху старым чулком и варилась в луковой шелухе, так что на яичных боках пропечатывался темно-медный узор. Несколько яиц Марина обязательно разрисовывала зеленкой и йодом, в то время как мама Оля сажала на клей крохотные бусинки, бисеринки и кусочки фольги. В это время папа вымешивал тесто на куличи. С тестом была целая эпопея, его приходилось долго мять, ждать, пока подойдет, и снова мять. Марина лезла руками в большое эмалированное ведро и успевала выуживать белые клейкие кусочки, запятнанные дробленным орехом и изюмом и крапчатые от маковых зерен. Окна открывать строго запрещалось, чтобы тесто не село, и по душной кухне разливался дразнящий запах сдобы, ванилина и ромовой эссенции. Закончив с тестом для куличей, папа принимался за ромовых баб, и это занимало Маришу еще больше, ведь комочки сдобы плавали прямо в теплой воде, нежные настолько, что плохо бы поднимались в сухой среде. Потом наступал ответственный для девочки момент, когда мама, отмотав от длинного рулона, вручала ей куски тонкой бумаги со смешным названием «калька». На бумаге очерчивались круги, чтобы потом выстелить ими донца кастрюль и кружек, и Марина, высунув язык, старательно вырезала их большими ножницами с синими ручками.

Пока куличи подходили уже в формах, Марина то и дело бегала на кухню и приподнимала край чистого полотенца, чтобы взглянуть, долго ли еще. И уже не отходила от духовки, когда они пеклись, заглядывая через темное стекло внутрь печи. Ее завораживало, как живое тесто все растет и растет, нахохливается, а позже подергивается золотой пленочкой, крепнет и, наконец, зажаривается. В те года, когда по непонятным причинам куличи выходили плохо (а пекли всегда по одному рецепту), мама Оля очень расстраивалась, и тогда папа принимался целовать ее в нос, щекотать под ребрами и утверждать, что это ему надо лить слезы, ведь это он заводил тесто и вымешивал. Папа никогда не унывал.

А на следующее утро сияло солнце – Марине сложно было припомнить Пасху с плохой погодой. Марина восседала во главе стола, нарядная, с разноцветными

бантиками на макушке, и торжествовала, когда ее яичко оставалось неразбитым. Она разрабатывала целую систему – как надо бить и куда и где стискивать яйцо всей ладошкой, – откладывала самые крепкие яйца в сторону и съедала их позже остальных. Почему-то самыми твердыми оказывались зеленые, и это невольно наводило ее на мысль, что в рекламе пасты «Колгейт», в той самой, где яйцо обмазывали белой пастой и опускали в кислоту, допущена какая-то неточность. Она отвечала родителям «Воистину воскресе» и заливалась громким восторженным смехом, хотя в то время понятия не имела, кто такой этот Христос и что с ним приключилось. Папа и мама переглядывались и начинали смеяться вслед за ней.

Размышляя о родителях и их браке много лет спустя, Марина допускала мысль, что не все было так радужно. Может быть, присутствовали мелкие придирки или дурное настроение, усталость, раздражение? Все как у живых людей, без этого романтического флера и глянца? По крайней мере, ни у кого другого она такого взаимопонимания не встречала, старшие подруги вечно жаловались ей на мужей, переживая из-за равнодушия, или измен, или грубости, или неладов со свекровью. Она даже старалась припомнить какую-нибудь деталь, которую можно истолковать двояко. Но нет. То ли по прошествии времени воспоминания застыли в розовом камне, то ли родители действительно были очень счастливы в браке и растили дочку в атмосфере добра и согласия. Теперь уже не спросишь.

Оставляя Маришу было не с кем, так что, стоило ей лишь немного вырасти из пеленок, мама Оля стала брать ее с собой на работу. Девочку сажали за последнюю парту, выдавали краски, кисточки и альбом и строго-настрого запрещали подавать голос во время урока. В целом такая тактика увенчивалась успехом, и Марина нарушала спокойствие класса не чаще, чем любой другой ребенок: тихо у младшекласников просто не бывает. Зато она как-то сама овладела навыками чтения и счета и уже в четыре года была ровней любой первоклашке. Дети свою учительницу обожали, так что иногда Марине приходилось ревновать маму и всячески показывать им, что для них она только учительница, а вот для нее – самая настоящая мама. Вместе они постоянно затевали что-нибудь интересное: то спектакль по мотивам русских сказок, то Масленицу, то птичью экскурсию. Не то чтобы маме Оле было так уж интересно возиться с детворой, скорее, она хотела показать им, как увлекательно все вокруг. Отлично понимая, что увещеваниями и принуждением мало чего добьешься, она старалась заинтересовать каждого из своих подопечных, как заинтересовывала дома свою собственную дочь. Марина хорошо помнит, как страстно мечтала помогать маме убирать в квартире. Она вела себя тише воды, только чтобы после обеда мама улыбнулась одними глазами и сказала серьезно:

– Что ж, сегодня ты вела себя образцово-показательно, умница. Так что сейчас можешь протереть пыль, пока я буду мыть пол.

Все дело в том, что уборкой, как делом очень важным и ответственным, в их доме было позволено заниматься только тому, кто был этого достоин. И потому Марина жаждала этой привилегии.

По вторникам и пятницам после уроков мама Оля вела кружок мягкой игрушки. Среди фетра, шерсти и ватина, среди бусин и стекляруса она помогала детским пальцам покрепче держать иглу, учила, как класть стежки плотнее, один к одному. На ее столе то и дело выстраивались отряды всевозможных млекопитающих, настоящих и выдуманных, все эти оленята Бэмби с каркасом из проволоки, рыбки и далматинцы, шерстяные Чебурашки с плотными картонками в ушах, мышки в шляпах, коты в сапогах, даже однажды появился голубой звездолет. Она умела делать руками фантастические вещи, овладев за свою не очень-то долгую жизнь, кажется, любым видом рукоделия, и стремилась непременно передать максимум своих умений новому поколению.

Но особенно мама Оля любила вязание крючком. Крючок в ее пухлых пальчиках с длинными ногтями вертелся быстро-быстро, отражая свет лампы. На телевизоре то и дело появлялась новая ажурная салфетка, в комнате у Мариши красовались накидка на подушку и целое огромное покрывало с бахромой. Мама Оля вязала скатерти и небольшие скатерки на середину стола, салфетки и подставки под блюда, шапочки, занавески, покрывала, чехлы и накидки для кресел, кофточки и туники, повязки на голову и шали, шарфы, юбки, пледы и однажды даже связала целое пальто – цвета топленого молока, на темно-шоколадной подкладке. Это не говоря уж о мелочах, которыми мама Оля развлекала себя от нечего делать: несколько цветочков из лавандовой пряжи, которые можно было использовать как аппликации, белая бабочка, брошка в виде лилии на тонком зеленом стебельке, красные бусы, пояс, воротнички... Она вычитывала про новые техники, плела то ирландское кружево, то румынское, то брюггское, то что-нибудь в перуанской технике. На все это добро за пару дней находились покупатели, и таким образом семейный бюджет пополнялся, нисколько не утруждая хозяйку: вязание было ей в радость. Мариша садилась у ее ног на ковре и перебирала мотки ниток, пока мама Оля с космической скоростью связывала петельки воедино, выводила цепочку за цепочкой, и к концу вечера получался уже довольно большой участок узорчатой переплетающейся паутины.

– Сказать тебе, что получится в конце? – щурилась мама Оля, глядя на дочку.

– Нет! Нет, подожди, не говори! Это похоже на ленточку для волос. Или шарфик?.. Или галстучек?

– Хм, никогда не думала, что ведь и правда можно связать крючком галстук. Отличная мысль, спасибо! Завтра же приступим.

Так они забавлялись, Марина пыталась отгадать, что за изделие выйдет из маминых рук. Несмотря на то что целый угол в квартире был заставлен стопками журналов «Верена» и «Бурда-Вязание» (самый дорогой сердцу подарок, который только мог преподнести папа, вызывая неизменно восторг супруги), во время самого вязания мама Оля никогда не пользовалась выкройками и не подсматривала узор в журналах. С тех пор как изделие приобрело свой вид у нее в голове, подсказки были больше не нужны.

Половина родительниц в ее классе расхаживали в нарядах, связанных мамой Олей, и на их детках то и дело мелькала то ажурная шапочка, то кофточка. Так слухи дошли до самого верха, и однажды маму Олю вызвала к себе директриса школы. Директриса слыла человеком советской закалки, неизбалованная и суховатая, макияж не признавала, одежду носила неброскую и недорогую, да и было-то у нее всего два костюма, коричневый и синий, которые она надевала попеременно. Она принялась отчитывать учительницу младших классов, напирая на то, что школа не базар и не надо превращать классные комнаты в торговые павильоны. Мама Оля была с нею полностью согласна. Но что делать, если молодые мамочки-модницы буквально осаждают ее, когда приходят забирать своих чад? А зарплату мужа постоянно задерживают, и денег не хватает, но, впрочем, сейчас так почти у всех...

– Это учебное заведение, – отрезала директриса и вдруг осеклась.

В раскрытой сумке мамы Оли лежало нечто лиловое и воздушное. Тонкие переплетения нитей таинственно мерцали. Этому изделию – чем бы оно ни являлось – не нравилось лежать свернутым в учительской сумке.

– Это что там у вас? – отрывисто спросила директриса, тыкая пальцем в лиловый секрет.

– Это шазюбль.

Какое нездешнее, диковинное название... От него так и веет соблазном, шепотом в темном будуаре и удушливым запахом королевских лилий.

– Он наподобие кардигана, только очень тонкий. Вот связала на пробу.

– И... чей он?

– Пока ничей.

Мама Оля отнюдь не была душой. Она в мгновение ока достала сверток, легонько его потрянула, и лиловое кружево хлынуло вниз, из бесформенной прелести возникли очертания рукавов и застежки на груди.

– Хотите примерить? Если вам понравится, я дарю его вам.

– Ну что вы... – замешкалась директриса, не сводя хищных глаз с пряжи.

Мама Оля невинно улыбнулась:

– Точно-точно. У вас на той неделе был день рождения, а я на больничном сидела и даже не поздравила.

Директрису не пришлось упрашивать дважды, она уже торопливо расстегнула пуговицы дешевого пиджака и осталась в простенькой белой блузке. Мама Оля помогла надеть шазюбль, аккуратно соединила застежку.

– Вы позволите? – спросила она у директрисы, указав на строгий пучок. И, истолковав пыхтение как согласие, распустила ее волосы.

– Где у вас тут зеркало?

– В шкафу.

Когда створка была распахнута, из зеркальной глубины вынырнуло отражение нестарой еще женщины, с приятным, хотя и утомленным лицом в обрамлении волны каштановых волос, привыкших к тугой прическе. Сквозь переплетение нитей фигура директрисы истончилась и вытянулась, и весь ее облик приобрел безмятежность и женственность.

Директриса порывисто вздохнула. Мама Оля знала, что такая вещица начальнице не по карману.

- Ну все, решено, дарю. С днем рождения, Вера Анатольевна!

Больше к этому вопросу не возвращались. Лиловый шазюбль с тех пор появлялся на плечах директрисы по особым случаям. А остальные учительницы, беря пример с начальства, очень скоро стали забегать к Ольге Васильевне и выведывать, что на этой неделе в ассортименте. Так в глазах дочери мама Оля еще больше стала напоминать фею-крестную, которой стоило только взмахнуть волшебным крючком, как любая замарашка была способна стать красавицей. Даже директор школы.

Чем старше становилась Мариша, тем сильнее сближались они с матерью. Возможно, это было связано с тем, что мама Оля как раз и не стремилась привязать дочь к себе, проконтролировать каждый ее шаг. «Если человек хочет сделать какую-нибудь головокружительную глупость, он найдет время, место и возможность. И никакая мама тут не помеха», - пожимала она плечами, выслушивая упреки подруг в том, что она дает слишком много свободы девочке-подростку. Марина могла идти гулять или остаться с ночевкой у подружки, при условии, что позвонит и в назначенный час предстанет перед родителями. А в школе она и так постоянно бывала на виду.

Подруги завидовали Марине. По вечерам, часов в шесть, пока папа еще не вернулся с работы, они приходили в гости специально, чтобы поболтать с мамой Олей. Она варила кофе в турке, разливала по крохотным, на один глоточек, чашечкам, которыми расплатилась с нею одна клиентка, и выставляла мельхиоровую плетеную вазочку со всякими вкусностями, непременно предостерегая:

- Девчонки, берегите фигуру.

Девчонки хихикали. Глядя на то, как заразительно мама Оля хрустит ванильным сухариком, и помыслить не хотелось о подобных глупостях. И тогда начинались шушуканья о самом сокровенном.

- Счастливая ты, Маринка. Если бы я только заикнулась при маме о Денисе... - Ее любимая подруга Надюша выразительно закатывала глаза и проводила ребром ладони по горлу.

Позже, в девятом классе, вопросы стали настолько животрепещущими и интимными, что подруги приходили советоваться поодиночке, с глазу на глаз, в обход даже Марины. В первый раз это вызвало обиду, особенно когда мама отказалась сообщить, с чем к ней приходила одноклассница дочери.

- Но ты ведь моя мама, - настаивала Марина.

- Хороша бы я была, если б выдавала чужие секреты! Мама я или нет, тайна есть тайна.

Марине пришлось смириться.

Рукоделие мамы Оли меж тем процветало. Слух о ней настолько разошелся, что клиентки буквально осаждали с просьбами принять заказ. И даже медленно ползущие вверх цены не сбавляли их пыла.

- Если бы я могла, я бы открыла магазин и наняла еще мастериц, - вздыхала мама Оля мечтательно.

- Но так умеешь вязать только ты одна, - откликнулся папа. - Авторские вещицы, штучный товар. Ты гениальна, придется жить с этим.

Венцом творения мамы Оли стало свадебное платье, связанное крючком. На работу ушло около месяца, и это получилось действительно произведение искусства. Мама Оля всерьез стала подумывать над тем, чтобы специализироваться только на этом.

И тут жизнь семьи Хлыновых перевернулась. Дождливый июньским днем Маринино папу сбила машина. Как говорили позже очевидцы, он шел по переходу, а темная иномарка не остановилась – ни перед переходом, ни после произошедшего. Прежде чем кто-нибудь сообразил запомнить ее номер, машина скрылась. Через два дня папа умер в больнице, так и не придя в сознание, среди запаха хлорки, дезинфектора и человеческой болезни.

Знакомые затаили дыхание. За сочувствием и сопереживанием, кстати, совершенно искренними, проскальзывало ожидание и даже предвкушение неминуемого краха. Одно прекрасно уживалось с другим в противоречивых сердцах соседок, работниц школы и родительниц. Мама Оля так славилась своей жизнерадостностью, что еще раньше находились завистницы, которые между собой решили: это оттого, что попрыгунья горя не знала. Все у нее ровненько да гладенько, муж не пьет и не гуляет, дочка не лоботрясничает. Вот была бы у нее жизнь так же горька и беспросветна, как у них самих, тогда б они на нее посмотрели. Где бы тогда были ее наряды павлиньих расцветок и вязаные игрушки? Была бы как все, со скорбной гримасой, застывшей на лице, и с ожесточением в сердце. И вот пришла беда, которая, по их мнению, должна была сокрушить и раздавить апельсиново-волосую маму Олю.

На похоронах мама и дочка цеплялись друг за друга. Марину била дрожь, ей никак не удавалось согреться, мама Оля прижимала ее к себе и постоянно целовала, то в висок, то в щеку, то в макушку. Во всем ее гардеробе не нашлось черной вещи, и одета она была в синюю юбку и синюю же блузку.

Спустя четыре недели тишины, поселившейся в доме, пришедшая из школы Марина почуяла носом запах цыпленка табака и салата с редиской и свежим укропом. По квартире витало ощущение чистоты, которое появляется после уборки, даже если не ходить босиком по свежeweымытому полу и не проводить пальцем по полке, чтобы удостовериться в отсутствии пыли.

Марина, не переодеваясь, настороженно зашла на кухню, поцеловала маму в щеку и примостилась на краешке стула. Мама Оля выставляла на обеденный стол два прибора, миску салата и блюдо с золотистым, еще шкворчащим расплюсценным цыпленком.

– Как в школе?

– Хорошо...

Мама Оля кивнула. Какое-то время они ели молча, но Марина чувствовала, что слова уже виснут в воздухе, сейчас их озвучат.

– Мариш... Я много думала... Сейчас у нас очень трудное время. Очень. Но потом станет полегче. Ты понимаешь это?

Марина стиснула зубы. Все, что она понимала, это лишь то, что она страшно скучает по папе и еще по родительскому хохоту, к которому прежде так часто прислушивалась из другой комнаты.

– Сейчас надо только собраться, вот просто все силы, которые есть, собрать. И не сдаваться. Поняла меня? Наш папуля мне не простит, если я тут разведу соплю. Предъявит мне потом: «Что, Рыжик, скисла, хоть сметану делай!»

Да, папа всегда так говорил. Когда у дочки было плохое настроение, он подкрадывался к ней, щекотал под мышками, чего Марина страшно не любила, и велел не киснуть. Сейчас, когда мама произнесла его коронную фразочку, Марина замерла от боли. И вдруг хрюкнула, не сдержавшись. Уже смеясь, она поняла, что и плачет тоже.

Мама Оля обняла ее за плечи.

Наревевшись вдоволь, они все-таки поужинали. И стало чуточку полегче. Как будто потолок, до этого давивший на темечко, теперь приподнялся и в комнате появилось чем дышать. Марина поняла, что они справятся. Хотя у мамы и дрожат руки.

Следующие несколько месяцев они честно старались жить. Ходили вдвоем гулять, фотографировали, кормили уток, коллекционировали подслушанные у прохожих фразы и даже завели крохотную терьерочку Мусю, которая оглушительно облаивала любого прохожего или гостя, рычала, если ее пытались согнать с кровати, и была не прочь напрудить лужу на линолеуме посреди коридора. Зато мама не так сильно грустила по вечерам, когда Мариша впервые влюбилась.

Васька был, конечно, неотразим. Хулиган и шалопай, да еще и брюнет, с дерзким прямым взглядом и вечно с такими красными губами, словно только что в подворотне пил невинную девичью кровь. Он жил так, будто не ему вскоре сдавать выпускные экзамены. Старшеклассницы не давали ему прохода, атакуя и на переменах, и после занятий, а в особенности на дискотеках, куда парень заглядывал исключительно чтобы поиздеваться над противоположным полом, потому что не танцевал – принципиально. Не мужское, дескать, дело, не пацански. Что не мешало ему подпирать стену и хитро рыскать глазами по стайкам девиц. И в такие минуты он, с романтическими смоляными кудрями и лепным профилем, был точь-в-точь негатив Аполлона.

Впервые Васька обратил внимание на Марину, когда та вылила ему на голову стакан компота в школьной столовой за то, что он хамил учительнице химии, пока толкался в очереди за пирожками. Через неделю они уже не могли оторваться друг от друга. Эта парочка взламывала запертые жильцами чердаки и до помутнения в голове целовалась на крышах, уезжала «зайцами» на электричках к черту на кулички и возвращалась обратно автостопом, моталась на рок-концерты в соседние города. Васька набил на предплечье татуировку с буквой М, и Марина тут же пожелала в ответ занять тату с английской V. Хитро сощурившись, Васька отвел ее к знакомому мастеру, неулыбчивой даме с черной помадой. Боль Марина выдержала стойко.

С тайным предвкушением Васька вкрадчиво осведомился:

– Маман небось заругает?

Марина в ответ хохотнула. С мамой Олей он был пока не знаком.

Увидев татуировку дочери, мама хмыкнула:

– Стильно. А в случае чего можно говорить, что V означает «победа».

Любовь с Васькой напоминала вулкан, а еще вернее кастрюлю, кипящую на максимальном огне, отчего периодически у нее срывало крышку. Ссорились и мирились они так, что знал весь район. В один из таких дней Марина психанула, примчалась домой и, раскалив на газу нож, приложила его к готической литературе на коже. С тех пор на предплечье на месте татуировки остался лишь побледневший со временем шрам с чернильными разводами. А с Васькой они

наутро помирились.

В дурмане любовных переживаний Марина многое упустила из виду. Например, что у мамы Оли так и не перестали дрожать руки, хотя папу похоронили уже восемь месяцев назад. Что она частенько сидит в комнате одна, не зажигая света, и так тянутся долгие бесчувственные часы. Что при дочери на нее вдруг нападает веселость, больше похожая на суетливость, бестолковую и неловкую, когда постоянно что-то роняется, задевается, разбивается и выплескивается. Что под утро, едва светлеет небо, часто просыпается, как от щелчка плетью, когда сердце норовит выскочить из груди, и потом долго, тихо и горько плачет в подушку. Она даже не заметила, что мама Оля рассорилась с обеими своими близкими подругами, что было на нее совершенно не похоже, и растеряла большую часть клиентуры. После похорон она почти перестала вязать крючком, и недовязанные вещицы валялись по квартире, как невыделанные шкурки мелкого зверья в хижине скорняка.

Марине было не до того. Ее занимала только любовь. Она была больна любовью. В ту весну у нее в голове сквозил ветерок, журчали ручьи и тренькала капель. Она не могла думать ни о чем больше. Марина шла умываться с мыслями о Ваське, сидела на уроках, мечтая, как зальется звонок и он будет торчать в рекреации на втором этаже, поджидая ее. Засыпала она не раньше, чем созвонится с ним по телефону (шнура едва хватило, чтобы утащить аппарат к себе в комнату), и в душной темноте под одеялом промурлыкает ему пару фраз, за которые при свете стало бы стыдно. Она так была поглощена своими переживаниями, что не сразу заметила перемену в школьной атмосфере: с наступлением апреля коридоры вдруг наполнились слухами и перешептываниями, которые замирали на полуслове, стоило только Марине появиться в зоне слышимости.

А вот маму Олю они стороной не обошли, и одним из вечеров мама преградила Марине путь, когда та уже зашнуровала кроссовки:

– Ты никуда не пойдешь.

Марина опешила.

– В смысле?

– Если ты идешь встречаться с этим мерзавцем Орловым, то ты остаешься дома. Я тебя не пущу.

Такого Марине не могло привидеться даже во сне: чтобы мама выставляла заслоны, чтобы не пускала гулять, чтобы запрещала общаться с тем, с кем хотелось общаться Марине! Без предупреждений, без предостережений, в форме ультиматума – никогда.

Она потребовала объяснений, но мама Оля не взяла на себя такой труд. И Марина залилась слезами. Умчавшись в свою комнату, она подтащила к двери стол, чтобы мать не могла войти – в той семье, где Марина росла, не было принято вламываться без разрешения, и в шпингалете на ее двери не было никакой нужды. До сего дня.

Марина плакала. От обиды, ведь мама так сильно ее оскорбила. Никогда еще они не были так далеки и непонятны одна другой. От тоски по Ваське, который, наверное, весь извелся, сидя на их любимой лавочке в одиночестве. И от страха, иррационального мистического леденящего чувства, потому что за всем этим ей чудилось, предвосхищалось что-то большое и ужасное, что надвигается на нее из тумана грядущего, чему еще нет имени и нет очертаний, но чье существование не поддается никакому сомнению. Оно придет, оно наступит. И оно будет невыносимым.

Понедельник принес слякоть. Марина выскочила из подъезда, чтобы тут же попасть в объятия Васьки. Они целовались как сумасшедшие, между мусоркой и трансформаторной будкой, в единственном месте двора, которое не видно из окон квартиры, и оттого опоздали на первый урок.

А со второго Ваську забрала милиция.

Когда Марина узнала об этом, милицейский «уазик» уже отъехал от здания школы. Марина металась по коридорам, стараясь понять и разузнать хоть что-то. Учителя многозначительно молчали, сумрачно вздыхали и качали головами, одноклассницы усиленно делали вид, что ничего не знают. Малышня, конечно, даже не знала о происходящем в стенах родной школы и беззаботно веселилась с машинками и скакалками: пробегая мимо них, Марина пожалела, что успела вырасти. Как легки они, как радостны, как искренни в смехе и в гневе. Как милы их заботы, крохотные, важные только им, а взрослым кажущиеся не стоящими

внимания. Кто-то из них принес из дома флакон мыльных пузырей, и один лопнул, коснувшись ее щеки и брызнув в глаз.

Марина застала маму в ее кабинете. По случаю перемены ее подопечные затеяли чехарду в коридоре и всюду ползали и гонялись друг за другом по большому ковру, застилавшему рекреационную зону. На этот раз мама Оля не стала отпираться. Когда дочь спросила у нее, что такого натворил Васька, из-за чего ей вчера не было позволено гулять с ним, мама немного замешкалась, но все же ответила, понизив голос:

– Он изнасиловал девочку.

Марина уверена была, что ослышалась. Она зло фыркнула:

– Какую еще девочку? Что за бред?

Мамин голос взвился:

– Не бред. Который день слухи ходят. С неделю уже. Одна ты как оглохшая. Марина! Очнись!

– Мама. Какую именно девочку?

Отвечать мама Оля не хотела, и дочери пришлось настоять. Наконец она призналась:

– Надю. Нашу Надюшу.

Марина поперхнулась липкой слюной и надолго закашлялась. В зеленом уголке с растениями стояла пластмассовая лейка, и она отхлебнула воды прямо оттуда. Неважно, что вода зеленоватая, зацветшая от долгого пребывания на солнце (как там называется эта одноклеточная водоросль? Хлорелла, кажется? Отлично, теперь внутри нее размножится хлорелла... Или того хуже – хламидомонада. Понятия не имею, что это...) и горьковато-теплая. После этого перевела ошалевший взгляд на маму:

– Какая Надюша, мама?! Я ее только что видела на географии. И вчера. И позавчера. Если бы с ней что-то случилось, она бы сразу рассказала мне. Господи, люди! Вы все с ума посходили, что ли?

Хлопнув дверью, Марина помчалась разыскивать свой класс и Надюшу – чтобы призвать ее к ответу и разрешить наконец дурацкую ситуацию.

Но подруги нигде не было, хотя звонок уже прозвенел. Заглянув на алгебру и удостоверившись, что весь класс пялится на нее как на уродца из цирка, а место подруги за третьей партой у окна пусто, она ринулась к классной руководительнице, англичанке. Та подтвердила худшие опасения: Надю забрали родители. Договорить она не успела, так как Марина уже бежала по коридору прочь. У нее не было ни сил, ни времени просить сейчас директрису отпустить ее с уроков, так что пришлось просто заскочить в мужской туалет на втором этаже, открыть там оконную раму, перелезть через подоконник на пожарную лестницу, спуститься вниз и спрыгнуть. Этот путь ей как-то показал Васька, вспомнила она, и в груди вдруг неприятно шевельнулся холодок.

Надю она дома не застала, звонок долго таял внутри пустой квартиры. Тогда Марина отправилась в местное отделение милиции. К Ваське ее не пустили, однако на даче показаний она все же настояла. И сообщила, что все свободное время последнюю неделю Васька проводил с нею – исключая сон. Но поскольку милиция и сама точно не знала, о каком моменте идет речь, показания все же записали. А Марина между делом узнала, что милицию вызвала химичка, случайно услышав в туалете, как Надя рассказывает подругам о произошедшем. Саму Надю или ее родителей милиция пока разыскать не смогла.

Зато смогла Марина. Надина мать только числилась безработной, а на самом деле подвизалась продавщицей в киоске «Союзпечати» на остановке. Туда-то Марина и отправилась и нашла подругу в добром здравии, хорошем настроении и поглощающую пломбир прямо из бумажной полукилограммовой пачки.

– Надь, надо поговорить, – заглянула Марина в ларек. Надя испуганно съежилась, но все же вышла. Плотно прикрыла за собой жестяную дверь.

– Ты можешь сказать, что случилось?

– А с какой это стати я буду тебе что-то рассказывать? – пробурчала Надя, отступая на шаг.

– А с такой, что Васька в ментовке. И тебя милиция тоже ищет, я знаю, потому что только что оттуда. Так что... – Марина развела руками, не сводя с подруги глаз.

Та с отчаяньем принялась грызть ногти. Она, хмуро уставившись в одну точку где-то за бордюром, усиленно обгрызла кожу вокруг ногтя большого пальца, потом заусеницу на безымянном. И вдруг заревела:

– Что теперь делать-то, а?

– Можешь ты мне сказать, что произошло?! – рассердилась Марина.

– Я его люблю-ю-ю, – провыла Надя.

– Кого?

– Васю-ю-ю. А он вечно с тобой и на меня даже не смотрит. А у тебя задница толстая и прыщи на лбу, зачем ты ему такая сдалась, а?! Чем я хуже?

На минуту Марина потеряла способность связно говорить. Ошеломленная, она растеряла вообще все мысли и только осознавала, что от нее еще кое-что требуется. Что надо собраться, а не раскисать, как сметана. Потом сообразила:

– Так ты это придумала? И сама пустила слух?

Надя продолжала реветь и всхлипывать, стремительно переставая быть подругой. На секунду она задержала дыхание, словно ребенок, гадающий, что же дальше – утешение или нагоняй, – и тут же залилась пуще прежнего.

И в этот момент Марина разъярилась. Она схватила одноклассницу за руку и поволокла. Надя едва успевала переставлять ноги, вереща проклятия и требования отпустить. Оборачивались прохожие, но Марине было наплевать. Если надо, она и за волосы приволочет Надю в милицию.

Собственно, почти так и получилось.

Ваську выпустили только к вечеру. Марина настояла, чтобы позвонили в школу и разъяснили ситуацию, и только после этого утихомирилась.

– И у тебя не было соблазна поверить во все эти рассказы? – решил спросить Васька, зацеловывая ее на площадке четвертого этажа. Давно пора была расходиться по домам, но сил оторваться друг от друга не находилось.

– Какой уж тут соблазн! У меня на это не было времени. Я носилась как в одно место ужаленная, – улыбнулась Марина, не признаваясь даже ему, что до сих пор внутри все ноет и трясется от ужаса.

Через неделю Надюша забрала документы из школы, и больше они с Мариной не виделись.

А вот на маму Олю эта история с почти счастливым разрешением не произвела впечатления. Марина так надеялась, что мама сядет рядом с ней, поохает, посмеется... Мама Оля лишь пожала плечами, поджав губы:

– Нет дыма без огня, Мариш.

– Что ты имеешь в виду? – похолодела та.

Пальцы у матери снова затряслись, и она отложила ложку, а руки рывком убрала со стола на колени.

– Вот и по телевизору говорили на прошлой неделе... Или вчера, не помню точно. Что участились случаи... Думаешь, станут по телевизору-то врать, а? Надюше не пришло бы в голову придумывать, если бы твой Васька был чист как ангел.

– И это говоришь ты! Да каких только слухов не ходило вокруг тебя. Ты же сама мне говорила, что тебе часто завидуют, сочиняют всякое! Ты что, забыла? Мама, да что ж такое, я совсем тебя не узнаю!

Это была сущая правда. Мама Оля менялась, и Марина не понимала, что ей делать и отчего так происходит. Но полагаться на нее, как прежде, она уже не

могла. И от одной этой мысли ей становилось тоскливо и холодно, будто она снова стоит на кладбищенском ветру.

Вскоре Васька с горем пополам сдал выпускные экзамены и огорошил Марину своим решением идти в армию.

– Что? Зачем?! – кричала она, не замечая, как крупные слезы градом катятся по щекам. – Ты же сам говорил, что там одни идиоты! Что ты будешь косить и бегать по всей стране, если придется! А как же институт?

– Потом поступлю. Вернусь и поступлю, делов-то.

– Ты сбегаешь! Ты хочешь меня бросить, я знаю, – пуще прежнего заливалась слезами она. – Лучше сразу убей меня.

Потом она молила, угрожала, даже швырялась в него вещами, для чего пришлось вытряхнуть сумку. Но Васька был упрям, она всегда это знала. И в конце она смирилась, и они вдвоем ползали по детской площадке, на которой и происходила бурная сцена, и собирали по песку ее ручки, тетради и косметичку. Пудра в пудренице разбилась, зеркальце дало трещину, а улетевшие за скамейку тени для глаз раскрошились, запачкав кустик клевера перламутром. Выбрасывая свое добро в облупленную урну, Марина трагически вскинула на Ваську заплаканные глаза:

– То же самое ты делаешь с моим сердцем. Придурок.

– «Оскар» в студию!

Васька со смехом подхватил ее, забросил на спину, как куль с мукой, и поволок прочь под неодобрительными и затаенно-завистливыми взглядами мамаш с колясками. Им такие страсти казались уже не по статусу.

Мама Оля по-прежнему недолюбливала Ваську и на известие, что тот собрался в армию, кивнула:

– Дурь повыбьют, и то хорошо.

– Как ты можешь быть такой злой? Мне ведь плохо без него, – всхлипнула Марина. – Это же целых два года!

Последнее время у нее глаза были на мокром месте. Она искренне не понимала, когда мама успела стать такой черствой. Явно не при папиной жизни... Но ведь сама Марина как-то справилась с их утратой.

Девчонки уже не приходили к ним шушукаться и секретничать, и все чаще мама Оля сидела на кухне одна, растрепанная, оплывшая, в окружении конфетных фантиков и сдобных крошек. И жевала, жевала, жевала... Терьериха Муся скулила рядом, выпрашивая сладенькое.

Пережить первые несколько месяцев Васькиной службы оказалось сложнее всего. Марина постоянно строчила ему письма, иногда даже на уроках. Потом началась усиленная подготовка к экзаменам: в тот год Марина оканчивала школу и поступала в институт. Выбрала она иняз, поскольку классная, преподававшая английский и французский, все уши прожужжала о том, какой небывалый у Марины талант к языкам. Сама она как-то об этом не задумывалась. Но работа переводчика казалась ей не хуже других – да и мир посмотреть можно, что ж плохого? Только бы не учительницей в школе, на это Маринино терпения уж точно не хватило бы.

Город заволакивало тополиным пухом, желтой пылью и летом. Марина дочитывала учебники и зубрила топики то в парке, прислоняясь к стволу тоненькой березки, с которой поминутно падали майские жуки, то у реки, где на нее опасно косились деловитые чайки, расхаживая по крупной сетке-рабице, с помощью которой был укреплен засыпанный щебенкой берег. Сквозь ячейки сетки давно проросла трава, меж ее зеленых клочков виднелись обертки и сигаретные бычки. Однажды нашлась даже фольга от презерватива, что надолго увело Марину в сторону от ученических мыслей.

В день, когда она сдавала историю Отечества, утром шел дождь, но к обеду распогодилось. Возвращаясь домой, Марина чувствовала, как отпускает волнение и в животе урчит: перед экзаменом позавтракать никогда не получалось. В приподнятом настроении она взбежала по ступенькам крыльца, доехала в тесном вонючем лифте на свой четвертый этаж и отперла ключом дверь.

В прихожей как-то странно пахло. Шагнув в сумрак, она чуть не споткнулась о чей-то чемоданчик с ремонтными инструментами, крышка его была заляпана коричневой краской. Рядом стояли огромные, давно нечищенные ботинки. Ни мамы, ни владельца ботинок видно не было, и Марина заглянула сперва на кухню, а потом и в мамину комнату.

Оба были здесь. Маринин взгляд уперся в мужские ягодицы, очень белые и очень неуместные, в окружении не снятой, а лишь приспущенной и задранной одежды. Ягодицы ритмично двигались, в разные стороны от них торчали голые ноги мамы Оли.

– Ой, – пискнула Марина.

Она была ошарашена и испугана. И совершенно не представляла, что ей делать. Мужчина, не прекращая громко пытеть, повернул голову в ее сторону и замер, очевидно, тоже не решившись сразу на дальнейшие действия: и в ту, и в другую сторону двигаться было бы крайне абсурдно. Из-под него выглянула мама Оля. Ее красное лицо блестело от пота и уже начало наливаться злобой.

– Дверь закрой! – рявкнула мама Оля громко.

Марина, вздрогнув, выскочила вон.

Она слышала, как вполголоса переговариваются мужчина и мама Оля, видела сквозь матовое стекло кухонной двери, как торопливо он собирается, укладывает инструменты в чемоданчик, зашнуровывает ботинки. Щелкнул замок. Марина наконец сообразила, кто это. Сантехник. Это чертов сантехник, которого она же сама и вызвала из ЖЭКа еще позавчера, чтобы заменить текущий кран в ванной.

Мама Оля рывком распахнула дверь на кухню. Неприбранная, в запахнутом наскоро халате, с растрепанными волосами и пунцовыми обрюзгшими щеками.

– И что это было? – холодно, с расстановкой спросила Марина. Страх ушел, смущение тоже.

В ответ мама Оля начала заводиться. Она заявила, что Марина не смеет ее отчитывать, что это Оля ее мать, а не наоборот. Что она живая женщина, и сколько можно над ней измываться, и ее контролировать, и попрекать каждый день. И чтобы Марина даже не смела высказывать свое мнение на этот счет. Под конец мать сорвалась на крик.

Марина не верила своим ушам. И глазам тоже. Не сбавляя громкости, мама Оля успела налить себе чашку чая и теперь с феноменальной скоростью поглощала шоколадные конфеты, одну за другой. На подбородке у нее остался темный след, к уголку губ пристал кусочек вафли, но она этого не замечала.

– Не смей мне указывать, молоко еще на губах не обсохло, – твердила она как заведенная, укладывая в рот конфету, жуя и тут же торопливо, будто вот-вот отнимут, подрагивающими пальцами разворачивая новый фантик. В этот момент она была похожа на запойную алкоголичку, пытающуюся распечатать бутылку водки. Это зрелище оказалось так омерзительно, что Марину затошнило. Она не могла поверить, что эта женщина – ее мама, знакомая с детства, апельсиново-волосая мама Оля, фея-крестная, которую папа называл не иначе, как Рыжик, и которая вывязывала волшебным крючком облачные ризы и заразительно хохотала по любому поводу.

– Меня от тебя тошнит. Ты отвратительна. Хорошо, что папа не видит...

И прежде чем мать прокричала ответ, Марина выскочила из дома на лестницу.

Нет, Марина была вовсе не против, если бы у матери появился мужчина. Точнее, умом понимала, что так должно случиться, и готовилась принять новость с оптимизмом. Мама еще не старая и до недавнего времени была довольно-таки привлекательна, ее задорные ямочки снискали больше восхищенных взглядов, чем тщательно подведенные стрелки или загадочно приподнятые брови какой-нибудь выверенной красавицы. Но все же... Не так по-животному, не так скоро... Не так. Пусть бы даже этот сантехник встретился маме (как знать, может, замечательный человек?), но он должен был принести ей цветов, ухаживать за ней, грубовато шутить, неловко подавать руку. Он должен был понравиться, потом полюбить. И уж только после этого... Когда в школе изучали творчество Бунина и его «Солнечный удар», Марине как-то с трудом верилось в большую и чистую любовь главных героев. Откровенное стремление плоти, чистое оттого, что не прикрывается лицемерными оправданиями, – вот о чем рассказ, думала она и не преминула сообщить об этом учителю. Поймать за подобным

собственную мать оказалось для нее слишком серьезным ударом, не солнечным, а скорее, молниевым.

...Весь первый курс Марина пропадала в институте, стараясь не появляться дома, пока мать не спит, и до позднего вечера засиживалась у однокурсников в общежитии. Они гоняли пустой чай, ели черный хлеб с луком и солью и – в огромных количествах – дешевые макароны, отчего девчонки полнели прямо на глазах. Отношения у Марины с мамой Олей испортились настолько, что месяц начинался и заканчивался, а мама и дочка могли не переброситься даже парой фраз. Ощущая острую нехватку денег, Марина бралась за любую подработку: переводила статьи, репетиторствовала со школьниками и абитуриентами, три раза в неделю мыла богатую квартиру. Позволить себе скверно учиться она не могла, даже более чем скромная, хоть и повышенная, стипендия составляла значительную часть ее бюджета. С Васькой они по-прежнему переписывались, несколько раз она ездила его навестить и долго обнимала, худого, ушастого, в мешком висящей форме. В письмах он становился все ревнивее и беспокойнее, видно, армейские горестные рассказы о недождавшихся невестах терзали его. Он уже считал дни до дембеля.

В конце апреля Марина вела урок у своей постоянной ученицы Вали, смысленной девятиклассницы, очень переживавшей из-за своей врожденной хромоты. Читали Джерома Клапку Джерома в оригинале, Валя едва успевала выписывать в тетрадку-словарик незнакомые слова, и столбик становился все длиннее. Марина подсказала:

– Здесь дальше перечень болезней, которые будет находить у себя Джей во время чтения медицинского справочника. Если не хочешь, можешь не выписывать. Вряд ли они пригодятся тебе на экзамене.

– Я ведь не для экзамена учу, а для себя, – серьезно заметила Валя, проявляя мудрость не по годам. – А вдруг я поеду отдыхать и там заболею...

Она ткнула пальцем в текст и с запинкой перевела:

– ...танцем святого Витта.

– Пляской.

– Вот. Заболею пляской святого Витта. А что это, кстати?

– Этого у тебя точно нет, не волнуйся, – усмехнулась Марина покровительственно, как можно усмехаться только когда твоя ученица младше тебя всего на четыре года. – Продолжим?

Но с того момента мысль о пляске святого Витта почему-то втемяшилась в голову и не давала Марине покоя. В полудреме засыпания или пробуждения ей мерещились мрачные и нервные полотна Брейгеля и Босха, многофигурные, громоздкие, с лицами, полными скорби и безумия, с застывшими навсегда гримасами и оскалами, фантасмагорические, пугающие. Она даже имен художников не знала, вероятно, эти образы засели в подсознании еще в те давние времена, когда папа давал ей листать плохонькие альбомы с репродукциями, чтобы выкроить себе хоть минутку свободы. Теперь ей чудились эти звериные физиономии, дурно хохочущие, кривляющиеся и извивающиеся, дергающиеся в нервном тике слюнявые рты, изломанные линии рук, вывихнутые ноги. Все эти буйнопомешанные, слепцы, нищие с зияющими пустотой глазницами, скелеты в плащах, весь средневековый мрак и ужас выплывал на поверхность ее сна и мучил, мучил, мучил. Ей чудились залитые нечистотами мостовые, грязные обрывки мешковины и полотна, очистки и зловонные выгребные ямы. Поутру она не понимала, почему не может избавиться от этой навязчивой мысли. И наконец она рассердилась: почему какой-то крепко засевший бред портит ей настроение? С какой стати? Она решила разобраться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20632151&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными

картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Макашницы – передвижные уличные тележки-жаровни, на которых в Юго-Восточной Азии готовят разнообразную еду и тут же продают. (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Тук-тук – вид тайского такси.

3

Танака – косметическая паста растительного происхождения, которую используют бирманцы как охлаждающее, солнцезащитное, успокаивающее и лечебное средство.

4

«7-Eleven» – сетевые супермаркеты.

5

Фарангами в Королевстве Таиланд называют иностранцев.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/elena-verner/tri-kostochki-tamarinda-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)